

DOI 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-52-71

УДК 393(=161.3)

В. Е. Овсейчик

Полоцкий государственный университет

Новополоцк, Республика Беларусь

ORCID: 0000-0002-6433-0039

E-mail: u.auseichyk@psu.by

Погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья на современном этапе

АННОТАЦИЯ. В статье на основе полевых этнографических материалов конца XX — начала XXI в. рассматривается современное состояние погребальной обрядности белорусского сельского населения Подвинья (Белорусского Подвинья). Анализируется структура обряда, выделяются традиционные элементы и новации последних лет, выявляется специфика обрядности у католического и православного населения региона. Подвинье занимает северную часть Беларуси и расположено в бассейне Западной Двины и ее притоков. На его этнокультурную специфику в значительной степени повлияли географическое размещение (регион граничит с территориями России, Литвы, Латвии), политические процессы (до 1939 г. западная его часть находилась в составе Польши) и конфессиональный состав населения (длительное проживание православных и католиков). К изучению привлечены новые полевые материалы, часть которых зафиксирована автором. Материалы и выводы работы будут полезными как для изучения мировоззрения и верований, так и для исследования этнокультурных процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: погребальная обрядность, белорусы, Подвинье, похороны, ритуал, эволюция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Овсейчик В. Е. Погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья на современном этапе. *Этнография*. 2021. 2 (12): 52–71. doi 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-52-71

U. Auseichyk

Polotsk State University

Novopolotsk, Republic of Belarus

ORCID: 0000-0002-6433-0039

E-mail: u.auseichyk@psu.by

Funeral Rites of the Belarusian Rural Population of the Dvina Region at the Present Stage

A B S T R A C T. Based on field ethnographic materials from the late twentieth — early twenty first centuries, the article discusses the contemporary state of funeral rites among the Belarusian rural population of Dvina Region (Belarusian Podvin'e). The author analyzes the structure of the ritual, singles out traditional elements and recent innovations, and reveals the specificity of the rituality of the Catholic and Orthodox population of the region. Podvin'e occupies the northern part of Belarus and is located in the basin of the Western Dvina and its tributaries. Its ethno-cultural specificity in the region has been largely shaped by its geographical location (the region borders on the territories of Russia, Lithuania, and Latvia), political processes (until 1939 its western part was a part of Poland), and the confessional composition of the population (long-term residence of the Orthodox and Catholics). The study involves new field materials, some of which were recorded by the author. Materials and conclusions of the article can be useful for studies of worldviews and beliefs, and also those of ethno-cultural processes.

KEY WORDS: funeral ritual, Belarusians, Dvina Region (Belarusian Podvin'e), ritual, evolution

FOR CITATION: Auseichyk U. Funeral Rites of the Belarusian Rural Population of the Dvina Region at the Present Stage. *Etnografia*. 2021. 2 (12): 52–71. doi 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-52-71 (In Russ.).

В культуре этноса особое место занимают обряды. Они в наибольшей степени отображают особенности этнических сообществ. Изучение обрядности позволяет выявить специфические черты этнической культуры, а исследование вопросов генезиса и эволюции обрядовых комплексов дает возможность проследить тенденции развития этнических сообществ. Особое место среди всех обрядов занимают погребально-поминальные, которые выделяются высокой степенью консервативности и устойчивости. По этой причине они являются чрезвычайно информативным (а потому очень важным и ценным) источником для изучения и реконструкции этнических процессов. В то же время погребальная обрядность позволяет выявить взаимосвязи обрядовых комплексов семейного и календарного циклов, ее исследование содействует лучшему пониманию других проявлений самобытной духовной и материальной культуры.

Погребальная обрядность белорусов не является однородной на всей территории страны. В разных регионах эта часть культуры имеет свои особенности, что делает актуальным проведение специальных ареальных этнологических исследований. Особую актуальность имеют исследования приграничных регионов, которые могут пролить свет на многие вопросы, связанные с этнической историей. К таким регионам в первую очередь относится Белорусское Подвинье. Его трансграничный статус (Подвинье занимает северную часть страны и граничит с российскими, литовскими и латвийскими землями) определяет важность такого исследования. Дополнительную актуальность исследованию придает историко-политический фактор. С 1921 по 1939 г. западная часть Подвинья входила в состав Польши. Интерес вызывает также характеристика этнокультурных традиций Подвинья с учетом конфессионального состава его населения (сосуществование в течение долгого времени на территории региона католиков и православных).

Исследование погребально-поминальной обрядности региона имеет давнюю традицию. Еще во второй половине XIX — первой трети XX в. был опубликован ряд сборников, в которых содержались описания погребальных обрядов белорусского населения Подвинья (Шейн 1890; Никифоровский 1897; Шлюбскі 1928). Однако к теоретическому осмыслению данной проблематики обратились лишь в 1980-х гг. В научных работах по погребально-поминальной обрядности в указанный период приоритет отдавался рассмотрению общеполорусского традиционного обряда. Региональная проблематика, за исключением Полесья, фактически не затрагивалась. Впрочем, в обобщающих работах часто использовались и материалы из северных регионов. Первым серьезным изданием, посвященным погребально-поминальной обрядности белорусов, стал сборник фольклорно-этнографических материалов «Похороны. Поминки. Голошения» (Фядосік 1986). Он сопровождается развернутой

вступительной статьей с общей характеристикой обрядов. В 1995 г. белорусский исследователь В. М. Сысов опубликовал работу «Белорусская погребальная обрядность: структура обряда, причитания, функции слова и действия» (Сысоў 1995). Несмотря на то что автор реконструировал белорусский традиционный погребальный обряд, он также провел параллели с современной обрядностью, указал на сохранность некоторых архаичных элементов или на их исчезновение и появление новых. При реконструкции общебелорусского похоронного обряда исследователь выявил некоторые его локальные варианты в исследуемом нами регионе. Белорусская погребальная обрядность была также рассмотрена в пятом томе обобщающего издания «Белорусы», посвященном семье и семейной обрядности. В этом издании Т. И. Кухаронак описала погребально-поминальную обрядность белорусов на протяжении длительного времени — от Средних веков до конца XX в. Большое внимание здесь уделено анализу погребальных обрядов в XIX — начале XX в. Автор не обходится и без анализа этой части культуры белорусов после Октябрьской революции. Т. И. Кухаронак рассмотрела также некоторые аспекты функционирования современной похоронной обрядности белорусов (Кухаронак 2001). Исследованием погребально-поминальной обрядности русско-белорусского (смоленско-белорусского и псковско-белорусского) пограничья в контексте этнополитической истории XIX — начала XXI в. занималась российская исследовательница Т. А. Листова. В своей диссертации она проанализировала традиционную похоронную обрядность пограничного региона, рассмотрела некоторые особенности ее трансформации в советский и постсоветский периоды (Листова 2006). В 2000-е гг. было опубликовано несколько изданий, которые содержат материалы полевых фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных в интересующем нас регионе. Богатый материал по погребально-поминальной обрядности белорусов Подвинья был опубликован во втором томе «Традиционной художественной культуры белорусов» (Варфаламеева 2004), посвященном Витебскому Подвинью, а также во втором выпуске «Полоцкого этнографического сборника» (Лобач 2011). Таким образом, несмотря на всю важность и значимость, данная проблематика не нашла широкого отражения в научных публикациях. Особенно это касается современного состояния погребальной обрядности белорусов Подвинья.

В представленной статье рассматривается современная погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья. Здесь анализируется структура обряда, выявляются традиционные элементы и новации последних лет, выделяется специфика обрядности у католического и православного населения региона. Под современной погребальной обрядностью понимается состояние обрядности в конце XX — начале XXI в. Основой для статьи послужили материалы полевых этнографических исследований, проведенных в регионе в 1990-е — начале 2000-х гг.

Значительная часть анализируемых материалов была собрана автором в ходе полевых исследований на территории региона (часть была опубликована в: (Лобач 2011)), основной объем хранится в Фольклорном архиве Полоцкого государственного университета).

Современный погребальный обряд белорусского сельского населения включает ритуальные действия до похорон, а также сами похороны (с обязательным поминальным застольем). К сфере погребальной обрядности принадлежит также комплекс представлений и поверий, связанных со смертью и иным миром. Следует отметить, что, несмотря на существенную трансформацию обрядности, подобные представления отличаются высокой степенью сохранности и консервативности.

Непосредственно к погребальному обряду примыкает комплекс примет, которые, как считалось, предсказывают смерть человека. Анализируя современные материалы необходимо отметить, что сельское население региона (преимущественно старшего поколения) по-прежнему в качестве примет «на смерть» указывает необычное поведение животных, птиц, насекомых: пение курицы (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 12, 42; ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 3), вой собаки (ФАПГУ 5. Т. 3. Л. 40; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 42; LLTILTR. P. 30), кукование кукушки и крик совы около дома (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 11; ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 54); кроме того, скорую смерть в доме предвещают треск потолка, ощущение запаха свечи и появление в доме большого количества мух (ФАПГУ 5. Т. 1. Л. 20; ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 55; ФАПГУ 8. Л. 4). Однако современные полевые исследования в регионе показали, что эти приметы все чаще отмечаются как «даўняшнія» (с частыми пояснениями, например: «раньше так говорили», «старики так утверждали»).

В современный период в качестве примет «на смерть» особую значимость сохраняют «предсказания», увиденные во сне. Большую роль в таких приметах играет символика цвета. Особенно распространенной является символика черного цвета: *«Па снах можна вызначыць сваю судзьбу, бо калі памёр мой хазяін, я перад гэтым бачыла сон: мае суседкі сабраліся на вечарыну, а мне няма чаго надзець, усё адзенне чорнае»* (ФАПГУ 1. Л. 21).

Как свидетельствуют материалы современных полевых исследований, в ряде случаев ритуальные действия начинаются еще до смерти человека и направлены на облегчение предсмертной агонии умирающего. У белорусского населения региона в прошлом существовали разнообразные приемы для облегчения страданий умирающего (открывали окна и двери, перекладывали умирающего на землю и др.). Значительная их часть имела ярко выраженный символический характер. В наше время большая их часть уже не встречается. Среди сельского населения региона ритуальные действия на этом этапе носят преимущественно религиозный характер (чтение священных текстов, произношение молитв и т. д.): *«Каб хутчэй памёр, чыталі Евангелье, абносилі свечкай»* (Лобач 2011: 199).

Следует отметить, что на данном этапе обряда у католического населения региона ритуальные действия носят более выраженный религиозный характер, чем у православных. Ритуальные действия на этом этапе обряда иной раз не выполняются, так как больные люди часто умирают не дома, в больнице. Поэтому сам похоронный обряд в таких случаях начинается лишь в день погребения тела умершего (или после того, как покойника привезут из морга/больницы).

Повсюду на Подвиньи и в современный период распространена традиция сразу после смерти человека завешивать в доме все зеркала, отворачивать их к стене или даже выносить из помещения, где находится покойник: *«Каб пакойнік у зеркале не атражаўся»* (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 46). Считается, что оставленное незавешенным зеркало может вызвать «хождение» покойника (т. е. душа останется в доме) (ФАПГУ 10. Л. 6, 36). Эти запреты, как правило, касаются не только зеркал, но и зеркальных поверхностей (стекло в мебели, лакированные поверхности, портреты и др.) (ФАПГУ 4. Т. 1. Л. 83; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 31; ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 18, 29). Как свидетельствуют материалы современных полевых исследований, сакральный смысл этих действий респондентам иной раз не знаком. Они объясняются даже «утилитарными» требованиями: *«Пасля сьмерці зеркала завешвалі, каб не стала жоўтым»* (Лобач 2011: 199). В течение XX в. распространенной стала традиция после смерти человека останавливать в доме все часы, даже наручные (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 25; ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 4). На этом этапе погребального обряда в сферу ритуальных действий попадают нехарактерные для традиционного обряда предметы: телевизоры, радиоприемники и др., — все их выключали. Смысл данных актов респонденты преимущественно связывают с необходимостью сохранять тишину и спокойствие, пока в доме находится покойник (ФАПГУ 10. Л. 30, 37, 42). В некоторых местах еще в 1980–1990-е гг. сохранялась традиция ставить на окне или столе стакан с водой и вешать полотенце: *«...каб душа, перад тым, як пойдзе на неба, магла памыцца і абцёрціся ручніком»* (ФАПГУ 2. Л. 8). В Витебском районе на окно клали хлеб и соль, полагая, что душа перед дальней дорогой должна еще и «подкрепиться» (АИИЭФ. Т. 3. Л. 45). В ходе современных полевых исследований данная традиция уже не фиксируется в регионе.

Особое место в структуре погребального обряда занимают обмывание и одевание покойника, с которыми связано множество предписаний. Еще и в начале XXI в. сохраняются строгие регламентации в этих частях обряда. В особенности актуальными остаются предписания относительно воды, которой мыли умершего. Согласно представлениям сельского населения Подвинья, такая вода приобретает негативные качества и даже считается «мертвой водой» (ФАПГУ 3. Л. 14, 17). Потому сохраняется строгое требование выливать ее в соответствующие места (там, где никто не ходит, на угол дома): *«Нада ліць гэту ваду там, дзе людзі не ходзяць, у які*

заканурачак, каб ніхто там не хадзіў» (ФАПГУ 4. Т. 1. Л. 86). Иначе, как считается, эта вода может навредить: *«Нільзя над парог ліць, каб ніхто не ступіў, там дзе гэту ваду выліваюць. Вот у Дзедзіне, кажучь, нехта выліў дзе і первы ўнук ступіў. Дык ён не гаварыў — анямеў»* (ФАПГУ 4. Т. 4. Л. 5). Вместе с тем еще распространено представление, что такая вода обладает лечебными свойствами. Спектр применения этого «средства» был довольно широким. Воду использовали от болей в руках и ногах. Считалась, что она способна помогать даже от «припадков» (эпилепсии). Похожие свойства, по мнению сельского населения Подвинья, имело и мыло, которым мыли покойника (Аўсейчык 2010б: 56; 2010а: 201).

Как свидетельствуют этнографические материалы, на Подвинье еще в первой половине XX в. была распространена традиция изготавливать погребальную одежду собственными руками, с обязательным выполнением различных предписаний (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 47; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 37; ФАПГУ 8. Л. 17). В современный период ее уже повсеместно приобретают в магазине. Шитье одежды для умершего и связанные с ним предписания исчезли из обрядовой практики белорусов Подвинья. При этом базовое символическое требование к погребальной одежде — новая («не отмеченная жизнью») — сохранилось (Аўсейчык 2010а: 201). Поэтому, если из-за тяжелого материального положения умершего одевали в старую одежду, она должна быть обязательно выстиранной (Варфаламеева 2004: 379). Таким образом, обязательной характеристикой погребальной одежды по-прежнему остается чистота — отсутствие признаков мира живых.

Кардинально изменилась цветовая гамма погребальной одежды. Как свидетельствуют этнографические источники, традиционная погребальная одежда белорусов Подвинья имела белый цвет (Шейн 1890: 512, 524, 526). В современный период умерших, за исключением покойников молодого возраста и детей, принято хоронить в одежде темных цветов. В то же время среди сельского населения Подвинья еще встречается запрет на похороны в одежде именно черного цвета. Распространены также представления о «некомфортном» пребывании в ином мире покойника, которого похоронили в черной одежде (ФАПГУ 8. Л. 5; Листова 2006: 256; Варфаламеева 2004: 379). До нашего времени сохранилась традиция умерших молодых парней и девушек, которые достигли брачного возраста, но при жизни браком не сочетались, хоронить в свадебной одежде (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 38; ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 5; Варфаламеева 2004: 379).

Согласно традиционным представлениям белорусов Подвинья, обмывать и одевать умершего должны чужие люди. Похожие убеждения широко распространены и в наше время (ФАПГУ 5. Т. 3. Л. 25; ФАПГУ 7. Т. 2. Л. 22; ФАПГУ 8. Л. 5). Однако сейчас запрет на обмывание и одевание умершего родными иной раз сохраняется лишь отчасти: *«Мылі суседзі, бо свайму не паложана, але сваякі маглі нараджаць»* (ФАПГУ 2. Л. 5).

В ряде случаев этот запрет вообще не учитывается. В наше время обмывать и одевать могут родные покойника, в особенности если такой была его воля (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 12).

При обмывании и одевании покойника обязательно сохранялось половое разграничение: мужчин обмывали и одевали мужчины, женщин — женщины. Похожих требований придерживаются и ныне (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 31; ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 54). Впрочем, в наше время гендерный фактор в этой части обряда не всегда принимается во внимание. В качестве критериев «отбора» на первое место могут выступать другие характеристики: *«Ну, абмываюць, хто ні баіцца. У нас была у Осцевічах бабка, памёрла. Яна ўсіх мыла. Яна і мужчын мыла, яна і баб мыла, такая смелая была бабка»* (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 12). Как свидетельствуют этнографические источники конца XIX в., строгие регламентации при обмывании и одевании умершего касались не только пола, но и возраста. Категорически запрещалось участвовать в этих процедурах молодым людям, которые еще не сочетались браком (Шейн 1890: 518). Если родство и половая принадлежность участников данных обрядовых действий в наше время не являются такими принципиальными, то их возраст отслеживается строго. Поэтому в современном сельском обществе Подвинья обмыванием и одеванием умершего, независимо от его пола, занимаются преимущественно женщины старшего возраста.

Сейчас для устройства посмертного ложа из-за отсутствия традиционных скамеек используют другие виды мебели (табуретки, кровать, диван): *«Памыюць, адзенуць, паложцаць на койку ці на скамейку абычна ложаць. А цяпер жа як дзіваны, дык на дзіван»* (ФАПГУ 4. Т. 4. Л. 14). В то же время сохраняется строгое предписание относительно ориентации тела умершего в пространстве дома (головой к иконам, ногами к дверям) (ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 5; Варфаламеева 2004: 381).

На Подвинье в первый (реже — во второй и даже третий) день после смерти человека делали гроб. Для такого дела, о чем еще помнят респонденты, приглашали местных мастеров. В прошлом почти в каждом хозяйстве для изготовления гроба хранили доски (ФАПГУ 5. Т. 1. Л. 21; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 37). Изготовление и подготовка гроба, который ассоциировался с жильем для покойника в ином мире, были связаны с множеством предписаний и поверий (Валодзіна, Санько 2011: 140). Как свидетельствуют полевые материалы, уже с середины XX в. гроб, как правило, изготавливали на колхозной пилораме. В современный период его повсеместно покупают в специализированных магазинах и бюро ритуальных услуг. Выпадение из погребального обряда такого этапа обусловило исчезновение поверий, обрядовых действий и причитаний, связанных с ним. Однако, как отмечал белорусский фольклорист В. М. Сысов, еще в 1980–1990-е гг. некоторые из причитаний, связанные с изготовлением гроба, стали исполняться в следующих частях обряда (Сысоў 1995: 38).

С представлениями о загробном мире связана традиция помещать в гроб покойнику разные вещи. Считают, что они пригодятся умершему в ином мире. Такая традиция фиксируется в ходе полевых исследований: «Усе лажылі. Ложаць і сігарэты, і калі с кійком хадзіў, то і кіёк лажылі, усе яму туды лажылі, лажылі» (ФАПГУ 4. Т. 4. Л. 5). Сохраняются и специфические способы передачи покойнику забытых вещей:

Соб.: А калі што забыліся што палажыць, вот ён сніцца?
«Тады нада няці на кладбішча. Раскапываць ямку і лажыць туды, на магільнік» (ФАПГУ 4. Т. 4. Л. 6).

Однако в современный период выполнение таких процедур не всегда возможно из-за священников: «А мужчыне папярсы там, шапку то, шапку кладуць у гроб. А Церахаў (местный священник. — О. В.) эта ўсё вынімаў, як хараніў. Гаворыць, эта ні паложана» (ФАПГУ 9. Т. 9. Л. 9).

В современный период сохраняется традиция ночного бдения возле умершего, когда тот находится в доме. Этим занимаются преимущественно его родные (ФАПГУ 8. Л. 6; ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 45). В современном деревенском обществе «сидение» около покойника иной раз лишено традиционных значений и связывается с нежеланием его обидеть: «Так паложана, каб ужо ні абіжаўся пакойнік, што ён адзін ляжыць. Каля яго сядзяць» (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 12).

Когда умерший находится в доме, чтобы попрощаться с ним, приходят соседи и знакомые (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 30; ФАПГУ 7. Т. 3. Л. 48). Среди православного населения Подвинья сохраняется традиционное представление о том, что идти надо не с пустыми руками (необходимо что-либо принести) (ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 57). У католического населения региона такая традиция отсутствует, а потому респонденты-католики обращают на нее особое внимание: «Прыходзяць пасядзець. А як жа ж во ў праваслаўных, вот прымерна, дык тады хто ідзёт у пахароны, цвяты нясуць, кладуць у гроб, во што. І бутылку стаўляюць на стол, вот як і Віцява матка. Гэта ў іх так завідзяно. Гэта вот прыметна, я і пастаронняя прыйшла там, пячэння якога і кілбасы. Ну, што што можыць» (ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 5). В последнее время на Подвинье вместо еды более распространенными «приношениями» становятся деньги (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 55; ФАПГУ 8. Л. 14).

В современном сельском обществе время погребения тела зависит не только от традиции (в регионе принято хоронить на второй или третий день после смерти), но иной раз связано исключительно с практическими соображениями: «А як у каго. Як хто і суткі, хто двое дзяржыць. Як радзіна дзе далёка на старане, пака пазбіраюцца» (ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 4). В настоящее время еще сохраняется предписание копать могилу только в день похорон (ФАПГУ 8. Л. 8; ФАПГУ 10. Л. 10, 25, 32). Для этого

приглашают трех-четыре человек, но обязательно чужих, не родственников и не близких умершего. Однако сейчас, в особенности под влиянием священников (прежде всего католических), это требование может быть нарушено: могилу могут копать и родные умершего. Участие родных в подготовке к похоронам (обмывание и одевание умершего, вынос его из дома) часто фиксируется в современных описаниях обряда. Выполнение родными этих процедур иной раз расценивается как «*астатняя*» (т. е. последняя) услуга для умершего (ФАПГУ 7. Т. 3. Л. 56; ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 10).

Сейчас могилу все чаще готовят специально нанятые люди за плату. Для конца XX — начала XXI в. характерно постепенное исчезновение традиционных специалистов из обряда. Подготовкой похорон все чаще занимаются сотрудники специальных ритуальных служб. Такая особенность не является чем-то совершенно новым. Еще во второй половине XX в. в СССР в период активного внедрения социалистической гражданской обрядности появились организации, занимавшиеся похоронами. Однако они возникали, как правило, в крупных городах и не оказывали сильного влияния на похоронную обрядность сельского населения (Соколова 2014: 18).

В селах региона с середины XX в. в организации и проведении похорон помогает предприятие, где работал умерший, или местные сельские хозяйства (совхозы и колхозы). Гробы и кресты изготавливали на местной пилораме. Катафалк и, при необходимости, транспорт для доставки участников похорон на кладбище также предоставляли. С 1990-х гг. в регионе появляются бюро ритуальных услуг. Однако поначалу их услугами пользовались мало. Ритуальные организации возникали, как правило, в районных центрах (так как сельские населенные пункты Подвинья преимущественно малочисленные) и не могли удовлетворить нужды всего района, поэтому они в большей степени выполняли роль магазинов ритуальных товаров. Собственно организацией похорон по-прежнему занимались сельчане. Однако в современный период фактически все хлопоты, вплоть до приготовления поминального ужина, перепоручают похоронным агентствам. Как свидетельствуют материалы полевых этнографических исследований в регионе, популярность этих услуг среди сельчан в последнее время сильно выросла.

Важное значение в структуре современного похоронного обряда имеет церковное отпевание (оно совершается в доме умершего и/или на кладбище). В день похорон для отпевания умершего приглашают священника (ФАПГУ 5. Т. 3. Л. 48; ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 22). Однако гораздо чаще устраивают заочные отпевания (особенно это касается православного населения региона). На Подвинье существует традиция приглашать для «пения» и «чтения» над телом умершего пожилых женщин, которые знают соответствующие молитвы и песни (в регионе их называют *певуны*,

пеўчыя) (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 47; ФАПГУ 7. Т. 1 Л. 17). После отпевания (или «чтения» «певчих») гроб с умершим выносят из дома. Согласно распространенному поверью, выносить из дома умершего должны чужие люди (обычно это те, кто копал могилу), обязательно ногами вперед (ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 25; ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 18).

В регионе зафиксированы случаи приглашения на похороны «чужого» священника (т. е. представителя другой конфессии). В ряде случаев такая практика является вынужденной (особенно если в ближайшей округе нет «своего» храма и священника). Такая ситуация особенно характерна для католического населения Подвинья, где костелов и ксендзов не так много: *«Ай ну хто пазавець, як далёка ксёндз, няможна ксяндза прывезці, узяць, і так і бацюшка хароніць. Хароніць»* (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 20). Приглашение ксендза на похороны православного обусловлено обычно иной причиной: известны случаи, когда католического священника приглашали хоронить православного, покончившего жизнь самоубийством (ФАПГУ 5. Т. 1. Л. 51; ФАПГУ 9. Т. 10. Л. 9). Православная церковь запрещает хоронить самоубийц (как и детей, которые умерли без крещения) по церковному обряду, запрещено и отпевание. Исключение составляют только те, кто покончил жизнь самоубийством в состоянии безумия. Католический костел позволяет священникам хоронить самоубийц, если те в течение своей жизни «оказывали приверженность к вере и Костелу» (Статуты 2002: 171).

В настоящее время у сельского населения Подвинья еще фиксируется традиция обсеять гроб зерном при выносе его из дома (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 17, 29). Такая же традиция характерна и для приграничных районов Псковщины (Народная традиционная культура 2002: 543). Распространенными остаются представления о том, что такие действия направлены на сохранение материального благополучия в семье (обсыпая гроб, отдают ту часть, которая принадлежит умершему, чтобы он не забрал с собой лишнего) (Аўсейчык 2010а: 203). К части умершего, которую выделяют ему в погребальном обряде, иной раз относят также животных и растения. На Подвинье существовала традиция убивать какое-либо животное после смерти хозяина или срубить какое-либо дерево. Про такую традицию еще помнят респонденты (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 23; ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 56; ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 17). Для ритуальных действий во время выноса тела умершего из дома характерна локальная вариативность. Так, в Россонском районе Витебской области зафиксирована следующая традиция: все дети по старшинству проходят под гробом на улице при выносе его из дома (Лобач 2011: 199). Похожие обрядовые действия распространены также в приграничных Великолукском и Себежском районах Псковской области (Листова 2006: 172).

Особое внимание во время погребального обряда уделяется проводам умершего на кладбище. Сейчас все еще сохраняются строгие предписания

относительно структуры похоронной процессии, которая может отличаться в разных локальных вариантах обряда: «*Нясуць зразу крэст наўперадзе, а патам вянкi нясуць, ззаду вязуць гроб наўперадзе, перад гробам пяюць пеўшыя, ззаду за гробам ідуць свае родственикі каля гроба, а там саседзі пад канец*» (ФАПГУ 8. Л. 20). Неотъемлемым элементом похоронного шествия в наше время являются венки, которые несут перед гробом вместо церковных хоругвей (иногда вместе с ними) (ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 57; ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 56; ФАПГУ 9. Т. 9. Л. 11). Необходимо отметить, что распространившиеся во второй половине XX — начале XXI в. венки неоднозначно оцениваются местным населением. Если в ходе полевых исследований в регионе со стороны православного населения не зафиксировано какого-либо негативного отношения, то со стороны католиков оно встречается: «*Ды чаго ў нас тут памёр каталік такі, дык матка, ды малады ешчо, матка казала, што... “На што яны вяночкі? Для чаго? Лепей мыдлітвачка чым вяночак гэты”. Ну але ж людзям не прыкажыш, нясуць і грошы плоцяць. На што ён гэты вянок? Для чаго ён? Для чаго?»*» (ФАПГУ 9. Т. 10. Л. 11).

Традиционные транспортные средства (сани или воз), которые использовались для перевозки умершего на кладбище, сейчас почти не встречаются. Отвозят покойника преимущественно на машине. В зависимости от вероисповедания различаются и обрядовые практики, предписанные к выполнению при отправке покойника на кладбище. У православного населения считается, что гроб должен быть открытым, а у католиков — закрытым (ФАПГУ 7. Т. 2. Л. 24). На машине укрепляют небольшие ели или березы (обычно это зависит от времени года) (ФАПГУ 5. Т. 3. Л. 38; ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 27). Использование елей или берез в оформлении похоронного транспорта стало характерной чертой современного погребального обряда. Их наличие на машине является неотъемлемым признаком исключительно похоронного транспорта (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 45; ФАПГУ 7. Т. 2. Л. 24). В наше время на Подвинье еще сохраняется традиция людей, умерших молодыми, на кладбище не везти, а нести на руках (ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 57; ФАПГУ 8. Л. 19; ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 47). Из двух способов перемещения гроба на кладбище (нести и везти) более архаичным считается первый. При сосуществовании обеих традиций в локальном варианте обряда первая характерна для похорон «опасных» покойников (Седакова 2004: 76–77) (которыми и являются молодые, так как они еще не исчерпали свою жизненную силу).

Повсеместно на Подвинье распространен ряд правил, которые касаются поведения людей при встрече с похоронной процессией. К нашему времени сохранился запрет ее обгонять. Этот запрет объясняют следующим образом: «*Насустрач нада астанавіцца. Ніхто не абганяець, на той свет нада даць дарогу*» (ФАПГУ 4. Т. 4. Л. 6). В обратном случае говорят, что «*тады чалавек бяжыць (в иной мир. — О. В.) наперад нябожчыка*»

(ФАПГУ 2. Л. 6). Указанное требование может иметь и другое толкование. Оно связано с представлением, согласно которому умершего на кладбище провожают и другие покойники: *«Нада астанавіцца нельга ісці насустрач, патаму што пакойніка праважаюць душы памерлых. Нада стаяць, каб яны ціхонька прайшлі, каля цябе абыйшлі. Ісці няможна і машына далжна астанавіцца і чалавек, еслі ідзець, должэн астанавіцца і пастаяць, прапусціць»* (ФАПГУ 8. Л. 7).

Шествие похоронной процессии предусматривает несколько обязательных остановок по дороге к кладбищу. Традиционно процессия останавливается на перекрестках дорог, около часовен и придорожных крестов (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 29; ФАПГУ 8. Л. 7, 20). В некоторых местах региона еще встречается традиция при каждой остановке брать по горсти земли и бросать вслед покойнику, чтобы он оставался последним в деревне (Варфаламеева 2004: 385). В Докшицком районе Витебской области такие обрядовые действия были характерны для проводов умершего из деревни (ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 45; ФАПГУ 8. Л. 7). В соседней с Подвиньем Псковщине (Плюсский район) также зафиксирована традиция прощаться с умершим на краю деревни (Народная 2002: 176–177). В большинстве мест региона эта традиция постепенно исчезает из обрядовой практики (Варфаламеева 2004: 385). Как следует из материалов полевых исследований, сейчас наиболее распространенным обрядовым действием во время таких остановок является молитва священника или «певчих». Похоронная процессия останавливается также в значимых для умершего местах, чтобы дать ему возможность «попрощаться» с ними (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 28–29; ФАПГУ 8. Л. 20).

Заключительный этап проводов умершего в иной мир составляет комплекс обрядовых действий, которые осуществляются на кладбище. Перед опусканием гроба происходит прощание с умершим. Родные и близкие целуют покойника в руку, лоб (ФАПГУ 8. Л. 21; ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 7), сейчас во время прощания над могилой принято произносить прощальные речи. В особенности такая практика характерна для случаев, когда хоронят заслуженных и известных людей (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 56). После прощания «копачи» (так называют тех, кто копал могилу) закрывают гроб крышкой и опускают в могилу. Сейчас гроб в могилу обычно спускают на веревках. В прошлом для этих целей использовали также специальные *ручнікі* (длинные полотенца): *«Не, перш і цяпер на вяроўках. Бываіць, ціху, як каго і відзяла, такія асобенныя рушнікі былі, на рушніках апускалі. Алі ж цяпер бальшынтво на вяроўках»* (ФАПГУ 9. Т. 7. Л. 7).

Еще в начале 1990-х гг. была распространена традиция бросать в могилу деньги перед тем, как опустить в нее гроб (в некоторых местах — напротив, после того, как опускали гроб). Смысл этих действий сельчане объясняют необходимостью «выкупать» место умершему на кладбище или его потребностью в деньгах в ином мире (ФАПГУ 5. Т. 1.

Л. 41; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 22; ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 39). В конце XX — начале XXI в., когда в Беларуси в ходу не было монет, такая традиция не была особенно распространенной, ведь сами сельчане расценивают бросание в могилу бумажных денег как *«нешта абы што»* (Варфаламеева 2004: 385). Впрочем, случаи, когда в могилу кидают не монеты, а купюры, тоже зафиксированы (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 23; ФАПГУ 6. Т. 1. Л. 22). В связи с этим распространяется практика класть бумажные деньги непосредственно в гроб умершему (или в карман одежды) (ФАПГУ 6. Т. 2. Л. 31; ФАПГУ 7. Т. 2. Л. 24; ФАПГУ 8. Л. 17). После денежной реформы 2016 г. в Беларуси снова появились монеты, однако описанная выше традиция не вернулась в обрядовую практику местного населения: деньги по-прежнему стараются класть в гроб.

Специфической особенностью похоронной обрядности белорусов Подвинья остается сохранение в одном населенном пункте отдельных кладбищ для православного и католического населения. В ряде случаев отмечено разделение общего кладбища на две части. Частыми являются также случаи выделения католической части в структуре православного кладбища, так происходит, если православные составляют большую часть населения в деревне. На наличие такого разделения респонденты постоянно обращают внимание: *«Ну во, гэта на правым баку [православное кладбище. — О. В.], як ідзеш туды пад масцяўскія. А каталічаскае налева. Блізенька саўсём. Цераз дарогу»* (ФАПГУ 5. Т. 1. Л. 61).

Одним из наиболее важных этапов современного погребального обряда белорусов Подвинья является поминальная трапеза в день похорон. Поминальная трапеза в наше время еще предусматривает приготовление традиционных обрядовых блюд. На Подвинье самым главным блюдом на поминках считают кутью, с которой и начинают трапезу (в некоторых локальных вариантах обряда ею завершают ужин). Как следует из этнографических материалов, в прошлом кутью здесь варили из цельного пшеничного или ячменного зерна с медом или маслом (ФАПГУ 5. Т. 4. Л. 23). Сейчас ее готовят обычно из рисовых, реже ячневых, гречневых круп, заправляя медом, сахаром или изюмом (ФАПГУ 7. Т. 1. Л. 5; ФАПГУ 8. Л. 214). Значительная часть населения в наши дни не готовит для поминальной трапезы обрядовых блюд. Такое застолье уже мало напоминает обрядовую трапезу, на что обращают внимание и респонденты: *«Чалавек як уміраіць, <...> на пахароны дзелалі клёцкі, куця гэта першая. Мясa зваруць, халадзец, там усё. Водкі то мала. А ціпер спраўляюць як свадзьбу»* (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 32). Как свидетельствуют материалы полевых исследований, у православного населения региона традиция готовить обязательные ритуальные блюда более распространена, чем у католиков. На эту особенность обращают внимание и сами респонденты: *«У праваслаўных гэта нада абязцельна, каб была каша рысавая. Каша рысавая і клёцкі. <...> А ў католікаў гэтага нет»* (ФАПГУ 7. Т. 2. Л. 24). Набор

поминальных блюд в значительной степени зависит от локальной традиции. Например, в Поставском районе (белорусско-литовское пограничье) в качестве поминального блюда выступает *мілта* (*мілты*) (Гарошка 2001: 298). *Мілта* — традиционное литовское блюдо, которое белорусы региона, вероятно, переняли от соседних литовцев. Однако рецепт его приготовления отличается от традиционного литовского. В последнее время, как свидетельствуют материалы полевых исследований, все чаще подготовкой поминальной трапезы занимаются специальные организации и службы. Потому меню поминального обеда напоминает уже меню обычного застолья.

В современном сельском обществе особенности поминальной трапезы иной раз обусловлены конфессиональным фактором. Присутствие священника на поминках влияет на сам ход застолья, последовательность выполнения определенных ритуальных действий. Респонденты как католического, так и православного вероисповедания отмечают, что обрядовые правила при поминальной трапезе у католиков соблюдаются более строго в присутствии священника. Так, особенно строгий запрет касается алкоголя, на поминальном столе у католиков алкогольные напитки запрещены, и этот запрет неуклонно соблюдается именно в присутствии священника. *«Ну, абычна, еслі яго (священника. — О. В.) прыглашаюць, ён нямножка пабудзіць, малітву пачытаіць там і ўсё. Ну, можа там трошку выпіць. У палякаў дык ні разрышаіцца на стале што б была водка, тады ён дажа ня пойдзіць»* (ФАПГУ 9. Т. 8. Л. 28).

Изменения в погребальной обрядности белорусов Подвинья в конце XX — начале XXI в. касаются и такого компонента, как похоронные причитания. Еще в середине 1980-х гг. похоронные причитания даже вне ритуала можно было записать почти в каждой деревне (Фядосік 1986: 61). В ходе современных полевых исследований в регионе зафиксировать причитания удастся очень редко. Среди современного белорусского населения Подвинья наблюдаются разные, иногда противоположные, взгляды на причитания и их роль в погребальном обряде. Некоторые респонденты считают, что «голосить» надо обязательно, в особенности жене по мужу, и тех, кто не причитает, в деревне осуждают. Часть считает, что причитания — это своего рода неискренность и показуха (Кухаронак 2001: 368; Варфаламеева 2004: 381–383). Такие расхождения свидетельствуют о разрушении традиционных представлений относительно данного компонента погребальной обрядности. В современный период традиция погребальных причитаний постепенно исчезает.

Окончательным завершением похоронно-поминального цикла личной обрядности являются поминки, проводимые на протяжении первого года после смерти (Седакова 2004: 69). В современный период среди белорусского населения Подвинья особенно важными считаются поминки на третий и сороковой (у католиков — на тридцатый) дни, а также через год после смерти. Среди сельского населения еще и в наше время сохраняется

традиция поминать умершего уже на следующий день после похорон. В некоторых местах такое поминовение сохраняет название «будить умершего» («будзіць памерлага»). Оно связано с посещением кладбища на следующее утро после похорон и совершением там поминальной трапезы: «У нас на заўтра ідуць на кладбішча і будзюць яго, тады тожа, садзяцца, прыходзюць» (ФАПГУ 4. Т. 2. Л. 40). Поминовение умершего также происходит на сороковой день (у католиков — на тридцатый) и через год после смерти. На востоке региона (Городокский район Витебской области) известны поминки и на третий год после смерти (Шагалеева 2004: 745). Такая же традиция характерна и для приграничных районов Смоленщины (Смоленский 2003: 111). Эти поминовения, как правило, включают церковную поминальную службу, посещение кладбища (может сопровождаться трапезой) и домашнее поминальное застолье. В зависимости от конфессии в современный период существуют отличия в проведении этих поминальных обрядов. У католиков они проходят довольно сдержанно, с соблюдением религиозных предписаний и, как правило, без застолий. На последнюю особенность обращают внимание и респонденты: «У нас трыццаць дней, а ў праваслаўных сорок, і тады яны стол робяць тожа і як я як казала, а вам бываюць во ў восень такія Асяніны — тожа робяць стол і на, у год. А ў нас няма гэта ў каталікоў. <...> Ну ў нас, у каталікоў няма каб стол рабілі, няма» (ФАПГУ 9. Т. 10. Л. 11).

Подводя итог, необходимо отметить, что современная похоронная обрядность белорусского населения Подвинья является сложным социокультурным феноменом. Она эклектична и включает элементы народной, гражданской и религиозной форм обрядности. Обряд сохранил много традиционных черт, характерных еще для ритуалов XIX — начала XX в. К их числу относятся представления о смерти и загробной жизни, предписания и регламентации, которые касаются проведения похоронного обряда (приметой смерти продолжает считаться необычное поведение животных и птиц вблизи жилища; после смерти в доме завешивают все зеркала и предметы с отражающими поверхностями, вроде сервантов, телевизоров и пр.; кое-где сохраняется традиция оставлять для души еду и вывешивать полотенце и пр.). В структуре погребального обряда наибольшей устойчивостью обладают обрядовые действия, совершаемые во время обмывания и одевания умершего, пребывания его в доме, выноса гроба, дороги на кладбище, самих похорон и поминальной трапезы в день похорон. Для всего рассматриваемого региона характерны в целом общие структура и последовательность традиционного обряда, его основные элементы. Вместе с тем под влиянием разных факторов погребальная обрядность значительно трансформировалась, из нее исчез целый ряд элементов (фиксируется отмирание практики причитания по умершему; традиционные методы облегчения агонии уступили место религиозным действиям; во многих случаях абсолютно нерелевантным оказывается цикл запретов,

обрядовых предписаний и поверий, связанных с содержанием тела умершего дома, так как вся традиционная сторона этого обрядового этапа заменена теперь ритуальными услугами моргов и фактически погребальный обряд начинается в день похорон и пр.). При этом необходимо отметить, что многие элементы похоронной обрядности существуют только в пассивной форме (сохраняются в памяти респондентов), а в обрядовой практике уже не встречаются. В результате модернизации уклада жизни белорусского населения Подвинья появились новые черты (изменился цветовой код похорон — погребальная одежда теперь черная, в отличие от традиционного для этого региона белого цвета; организацией похорон и поминок занимаются специализированные службы и т. д.). Анализ материалов дает основание утверждать, что погребальная обрядность имеет свои особенности у католического и православного населения региона. У католического населения региона обрядность более упрощенная, с преобладанием канонических установок. В то же время похоронный обряд православного населения характеризуется большей сохранностью традиционных элементов. Такая ситуация обусловлена значительным влиянием католического костела на похоронную обрядность исповедующих католицизм, чем православной церкви у православного населения соответственно. Исследование также показало, что даже в современный период прослеживаются параллели в погребальной обрядности сельского населения Белорусского Подвинья и приграничных российских территорий (южной Псковщины и западной Смоленщины).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 89. Д. 244. Россонско-Витебская экспедиция, 1989 г. (тетради 2–3).
- ФАПГУ 1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Бешенковичский и Лепельский районы Витебской области, 1996 г. (тетрадь 2).
- ФАПГУ 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Россонский район Витебской области, 1998 г. (тетрадь 1).
- ФАПГУ 3. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глыбокский район Витебской области, 2001 г. (тетрадь 1).
- ФАПГУ 4. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Докшицкий район Витебской области, 2009 г. (тетради 1, 2, 4, 6).
- ФАПГУ 5. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глубокский и Ушачский районы Витебской области, 2010 г. (тетради 1, 3, 4).
- ФАПГУ 6. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Докшицкий район Витебской области, 2011 г. (тетради 1–2).
- ФАПГУ 7. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глубокский и Поставский районы Витебской области, 2012 г. (тетради 1–3).
- ФАПГУ 8. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции в д. Свирки и д. Володьки Докшицкого района Витебской области, 2012 г.

ФАПГУ 9. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Полевые этнографические записи Овсейчика В. Е., 2005–2011 гг. (тетради 7–10).

ФАПГУ 10. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Материалы опроса по теме: «Погребально-поминальная обрядность белорусов Подвинья», 2012–2013 гг.

LLTILTR. В. 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus.

Аўсейчык У. Я. Пахавальна-памінальная абраднасць вясковага беларускага насельніцтва Падзвіння ў канцы ХХ пачатку ХХІ стагоддзя // *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі.* 2010а. № 7. С. 199–210.

Аўсейчык У. Я. Элементы народнай медыцыны ў пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння (па матэрыялах сучасных этнаграфічных даследаванняў) // *Аўтэнтчны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання.* Адк. рэд. М. А. Мажэйка. Мінск, 2010б. С. 55–57.

Валодзіна Т., Санько С. (рэд.) Міфалогія беларусаў. Мінск: Беларусь, 2011.

Варфаламеева Т. Б. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2: Віцебскае Падзвінне. Мінск: Бел. навука, 2004.

Гарошка Т. Г. Народныя святы, абрады, звычаі // *Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пастаўскага раёна.* Мінск, 2001. С. 593–599.

Кухаронак Т. І. Пахавальна-памінальныя звычаі і абрады // *Беларусы.* Рэд. В. К. Бандарчык. Т. 5: Сям'я. Мінск, 2001. С. 351–369.

Листова Т. А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX — начало ХХІ в. Дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2006.

Лобач У. А. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. ч. 2. Наваполацк: ПДУ, 2011.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. Т. 1. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губерн. Типо-Литограф., 1897.

Седакова О. А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // *Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования.* М., 1983. С. 246–262.

Седакова О. А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М.: Индрик, 2003.

Соколова А. Д. Коммерциализация похоронного обряда и новые роли локальных ритуальных специалистов // *Этнографическое обозрение.* 2014. № 2. С. 14–22.

Статуты Сіноду Мінска-Магілёўскай архідыяцэзіі, Пінскай і Віцебскай дыяцэзіі. Мінск: Про Хрысто, 2002.

Сысоў У. М. Беларуская пахавальная абраднасць: Структура абраду, галашэнні, функцыі слова і дзеяння. Мінск: Навука і тэхніка, 1995.

Фядосік А. С. (гал. рэд.) Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск: Навука і тэхніка, 1986.

Шагалеева Т. А. Традицыі, абрады, вераванні // Памяць : Гарадоцкі раён : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск, 2004. С. 744–748.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1, ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1890.

Шлюбскі А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. Ч. 2. Мінск: Інбелкульт, 1928.

REFERENCES

Auseichyk U. Ya. [Elements of the Ethnomedicine in the Funeral and Memorial Rites of the Belarusians of Dvina Region (on the Materials of the Modern Ethnographic Studies)]. *Autentychny fal'klor: prablemy vyvuchennia, zakhavannia, peraimannia* [Authentic folklore: problems of study, preservation, adoption]. Minsk, 2010, pp. 55–57. (In Belarusian).

Auseichyk U. Ya. [Funeral and Memorial Rites of Belarusian Rural Population of Dvina Region at the End of 20th — Beginning of 21st Centuries]. *Vesnik Polatskaga dziazhaunaga universiteta. Seryia A. Gumanitarnyia navuki* [Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences], 2010, no. 7, pp. 199–210. (In Belarusian).

Garoshka T. G. [National holidays, rites, charters]. *Pamiats': Gistoryka-dakumental'naia khronika Pastauskaga raena* [Memory: Historical and documentary chronicle of Postavsky district]. Minsk, 2001, pp. 593–599. (In Belarusian).

Kukharonak T. I. [Funeral and Memorial Rule and Rites]. *Belarusy* [belarusians]. Vol. 5. Minsk, 2001, pp. 351–369. (In Belarusian).

Listova T. A. *Semeinye obriady russko-belorusskogo pogranich'ia v kontekste etnopoliticheskoi istorii. 19 — nachalo 21 vv.* [Family Rites of the Russian-Belarusian Borderzone in the Context of the Ethnopolitical History, 19th — Beginning of 21st Centuries]. PhD diss. Institute of Anthropology and Ethnography RAS. Moscow, 2006. (In Russian).

Lobach U. A. *Polatski etnagrafichny zbornik. Vol. 2: Narodnaia proza belarusau Padzvinnia* [Polotsk ethnographic collection. Vol. 2: Folk prose of the Belarusians Podvinja]. Part 2. Navapolatsk Publ., 2011. (In Belarusian).

Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoi oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra [Folk traditional culture of the Pskov region: Overview of expedition materials from the scientific funds of the Folklore and Ethnographic Center]. Vol. 1. Pskov, 2002. (In Russian).

Sedakova O.A. [Materials to the Description of the Polesye Mortuary Rite]. *Poleskii etnolingvistikii sbornik. Materialy i issledovaniia* [The Polesie ethnolinguistic collection. Materials and researches]. Moscow, 1983, pp. 246–262. (In Russian).

Sedakova O. A. *Poetika obriada: Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [Poetics of the Rite: Funeral Rites of the East and Southern Slavs]. Moscow, 2004. (In Russian).

Shagaleeva T. A. [Traditions, rituals, beliefs]. *Pamiats': Garadotski raen: Gistorika-dakumentalnyiia khroniki garadou i raenau Belarusi* [Memory: Gorodok district: Historical and documentary chronicles of cities and regions of Belarus]. Minsk, 2004, pp. 744–748. (In Belarusian).

Smolenskii muzykal'no-etnograficheskii sbornik. T. 2: Pokhoronnyi obriad. Plachi i pominal'nye stikhi [Smolensk musical and ethnographic works. Vol. 2: Funeral rite. Crying and memorial verses]. Moscow: Indrik Publ., 2003. (In Russian).

Sokolova A.D. [The Commercialization of the Funeral Ritual and New Roles of Local Ritual Specialists]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2014, no. 2, pp. 14–22. (In Russian).

Statuty Sinodu Minska-Magileuskai arkhidyiatsezi, Pinskai i Vitsebskai dyiatsezi [Statutes of the Synod of Archdiocese of Minsk and Mogilev, of Pinsk and Vitebsk Diocese]. Minsk, 2002. (In Belarusian).

Sysou U. M. *Belaruskaia pakhaval'naia abradnasts'*: *Struktura abradu, galashenni, funktsyi slova i dzieiannia* [Belarusian Funeral Rites: Structure of the Rite, Lamentations, Functions of the Word and Action]. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1995. (In Belarusian).

Valodzina T., San'ko S. *Mifalogiia belarusau* [Mythology of the Belarusians]. Minsk: Belarus' Publ., 2011. (In Belarusian).

Varfalameeva T. B. *Tradytsyinaia mastatskaia kul'tura belarusau. T. 2: Vitsebskae Padzvinne*. [Traditional art culture of the Belarusians. Vol. 2: Vitebsk Dvina region]. Minsk: Belaruskaia navuka Publ., 2004. (In Belarusian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИЭФ — Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси

ФАПГУ — Фольклорный архив Полоцкого государственного университета

LLTILTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas

Submitted: 15.03.2020

Accepted: 25.12.2020

Article published: 01.07.2021